

Тан Цо помнил, что нынешний Цинмэйцзы, активно ведущий себя в интернете, был лет тридцати, с бритой головой, постоянно носил на переносице солнечные очки, щеголял в свободной одежде в стиле ламы и кроссовках Converse, скитался по древним городам по всей стране и с энтузиазмом вёл для своих шести миллионов подписчиков в Weibo прямые трансляции с селфи-палкой, делясь ежедневным настроением.

В прошлом году в организации девушек, возглавляемой Бай Сяюань в Кризисном бюро, многие сменили заставки на телефонах на фотографии Цинмэйцзы. Эта тенденция быстро распространилась, и даже сестра Тан Цо, работавшая в Комитете по делам особых людей, не избежала этого, купив книги Цинмэйцзы вроде «Три тысячи юаней путешествуют по миру», «Бедный, но с мечтой» и «Каждый момент беден и свободен» и сложив их дома.

Не в силах сдерживать любопытство, Тан Цо зашёл на Таобао и нашёл магазин Цинмэйцзы с золотой короной.

Колода карт Таро с ценником в тринадцать тысяч имела месячный объём продаж в двести сорок пять штук.

Тан Цо ахнул: продавец карт Таро, Цинмэйцзы, зарабатывал в месяц больше, чем любой сотрудник Кризисного бюро.

Он решил уговорить сестру прекратить покупать все товары, связанные с Цинмэйцзы.

В этот день Цинь Гэ не появился в Кризисном бюро. Проверка «моря сознания» абитуриентов перед гаокао должна была начаться, и он с утра отправился в Комитет по делам особых людей на предварительную рабочую встречу.

Кроме него, на встрече присутствовали Цинь Шуаншун и Лу Цинлай из Колледжа передового управления «Новая надежда».

Хотя в стране было множество высших учебных заведений, только два из них специализировались на обучении особых людей: Государственное бюро кадрового планирования, напрямую управляемое Комитетом по делам особых людей, и Колледж передового управления «Новая надежда», подчиняющийся Министерству образования.

Хотя оба учреждения принимали особых людей, «Новая надежда» принимала только Стражей и Проводников, в отличие от Бюро кадрового планирования, куда могли поступать все особые люди.

Особые люди имели те же права на образование, что и обычные люди. После завершения девятилетнего обязательного образования и трёх лет обучения в старшей школе, сдав обычный гаокао или пройдя самостоятельный набор, они могли свободно выбрать: поступить в обычный вуз или в одно из этих двух учреждений для особых людей.

Бюро кадрового планирования предлагало узкоспециализированные программы, в основном в области военного дела, политики, экономики и других прикладных дисциплин. «Новая надежда» же была ближе к обычным университетам: биология, история, сельское и лесное хозяйство, строительство, образование, государственное управление... Поскольку Стражей и Проводников было много, их возможности трудоустройства после выпуска были шире, чем у подземных жителей или полужомбированных людей, поэтому подавляющее большинство из них выбирали «Новую надежду».

Цинь Гэ был сотрудником Бюро кадрового планирования. Из-за его уникальной способности поглощать негативные эмоции бюро использовало административные меры, чтобы заранее зачислить его, так что у него не было никакого другого выбора.

Он несколько раз встречался с Лу Цинлаем и до сих пор был благодарен ему за оценку и баллы, которые тот дал ему при поступлении на ментального регулятора.

— Профессор Лу, Цинь Гэ, до завтра, — сразу после встречи ушла Цинь Шуаншуан. — В данных абитуриентов из нескольких школ в Юньнани и Гуйчжоу есть проблемы, я проверю и отправлю вам.

Цинь Гэ поспешно кивнул. Видя, как Цинь Шуаншуан улетучивается, он повернулся к Лу Цинлаю:

— Профессор Лу, у вас есть время позже? Я хотел бы кое-что уточнить.

Лу Цинлаю было лет сорок, но он хорошо сохранился: волосы всё ещё были чёрными, на лице не было следов усталости, глаза блестели, и весь его облик излучал академизм:

— У меня тоже есть вопросы к вам.

Они сели в кофейне за пределами столовой Комитета по делам особых людей.

— Я случайно услышал об этом, когда был в Кризисном бюро по делам, — на безымянном пальце левой руки Лу Цинлая было кольцо, и когда он брал ложечку, чтобы помешать кофе, серебряное кольцо отражало свет, привлекая внимание. — Вы сейчас начальник Отдела ментального регулирования?

Цинь Гэ немного смутился:

— Это было «посадили утку на шест». Я всё ещё разбираюсь.

— Вы отлично справляетесь, всё будет хорошо, — Лу Цинлай положил ложечку на блюдце, сложил пальцы и удобно откинулся на спинку стула.

Цинь Гэ, глядя на его кольцо, подумал, что, кажется, никогда не слышал о его женьтёбе.

Но Цинь Гэ вообще мало интересовался чем-то, кроме себя и своей семьи, так что информация о семейном положении университетского преподавателя, даже если они оба были ментальными регуляторами, вряд ли дошла бы до него.

— Се Цзыцзин в Отделе регулирования, верно?

Цинь Гэ вздрогнул, его внимание тут же привлёк этот вопрос.

— Я хотел спросить как раз о нём, — улыбнулся Лу Цинлай. — Он выпускник «Новой надежды», я был его наставником.

Цинь Гэ кивнул:

— Он упоминал.

Лу Цинлай приподнял бровь, его выражение стало забавным:

— Он говорил обо мне? Я думал, он боится меня до такой степени, что не смеет встречаться.

— Упоминал однажды, — Цинь Гэ подумал, что это совпадение: он тоже хотел спросить Лу Цинлая о Се Цзыцзине. — Вы действительно считаете, что его «море сознания» в порядке?

В это самое время Се Цзыцзин, уткнувшись в работу в офисе Отдела регулирования, чихнул три раза подряд.

— Цинь Гэ снова думает обо мне, — уверенно заявил он.

Он как раз обзванивал школы из провинций и городов, которые ещё не подтвердили график, торопя их с покупкой билетов, и в промежутках между звонками ворчал: «Раньше в Западном управлении я никогда не занимался приёмом звонков», «Раньше в Западном управлении моя работа заключалась в том, чтобы выгуливать льва или ходить в горы за рудой и исследовать пустыни».

Бай Сяюань, которую почти завалило папками с документами, высунула голову:

— Но в Западном управлении нет Цинь Гэ.

Се Цзыцзин тут же замолчал.

Спустя мгновение он хихикнул, и в его радости сквозила неподдельная восторженность:

— Верно.

Бай Сяюань и Тан Цо почувствовали, как у них пошли мурашки по коже.

— Если ты так любишь Цинь Гэ, тебе нужно быстрее действовать, — сказала Бай Сяюань, продолжая работать. — Цинь Гэ в Кризисном бюро довольно популярен.

Се Цзыцзин:

— С его скрытым характером он вряд ли может быть популярен.

Бай Сяюань подумала, что он, оказывается, не ослеплён любовью.

Но Тан Цо добавил:

— Но Цинь Гэ красив, хоть и мало говорит и общается, зато надёжный и спокойный. Мы с ним поступили в архив Кризисного бюро в один год, и меньше чем за полгода как минимум десять человек выразили ему симпатию. Это только те, о которых мы знаем, если учесть неизвестных, то и не сосчитать.

Се Цзыцзин, кусая колпачок ручки:

— Со мной сравнивать? По внешности, по способностям — в Кризисном бюро почти нет конкурентов.

— А в Комитете по делам особых людей? — с хитрой улыбкой спросила Бай Сяюань. — По внешности, по способностям, да ещё и по финансовому положению.

Се Цзыцзин резко повысил голос:

— Кто в Комитете?

— Тот самый большой ящер, с которым ты дрался, Цай И, — сказала Бай Сяюань. — Он прямолинейный, сразу спросил, есть ли у Цинь Гэ партнёр.

Колпачок ручки упал на стол. На лице Се Цзыцзина отразился шок.

Он даже сам не задумывался о таком — партнёр?!

Это же клятва, основанная на вечной верности и совместной жизни до самой смерти.

Схватив телефон и лежащую перед ним пачку контактов, Се Цзыцзин тут же встал:

— Я иду в Комитет по делам особых людей к Цинь Гэ, а если встречу Цай И, то побью его ещё раз.

[Авторская ремарка: Цай И: «...Хоть я и не самый хороший человек, но я чувствую себя обиженным».]

— Се Цзыцзин очень искренний, — сказал Лу Цинлай, глядя на Цинь Гэ. — Может, в словах он любит покрасоваться, но эмоции у него абсолютно настоящие. Он не может притворяться.

Потому что его «море сознания» слишком мало.

Оно не похоже на обычное «море сознания», где есть достаточно пространства для переработки эмоций.

Эмоции — это психологическая и физиологическая реакция, результат стимуляции, или, как говорил Лу Цинлай, ответ мозга после вычислений. Одни из них — условные рефлексy, другие — безусловные, но в любом случае они всегда являются результатом оценки ситуации.

Се Цзыцзин не способен проводить сложные вычисления с эмоциями. Он не может притворяться и приукрашивать, все выражаемые им чувства абсолютно искренни.

— Вы, конечно, патрулировали его «море сознания», — спросил Лу Цинлай. — Какие впечатления?

— Невероятно. С его «морем сознания» определённо что-то не так, но я не смог выбраться из той маленькой комнаты, — ответил Цинь Гэ. — Это первый раз, когда я видел такое узкое «море сознания». Се Цзыцзин сказал, что вы считаете его «море сознания» нормальным.

Лу Цинлай снова сделал глоток кофе.

— Вы редко патрулируете «море сознания» других, верно?

<http://bllate.org/book/15560/1384557>